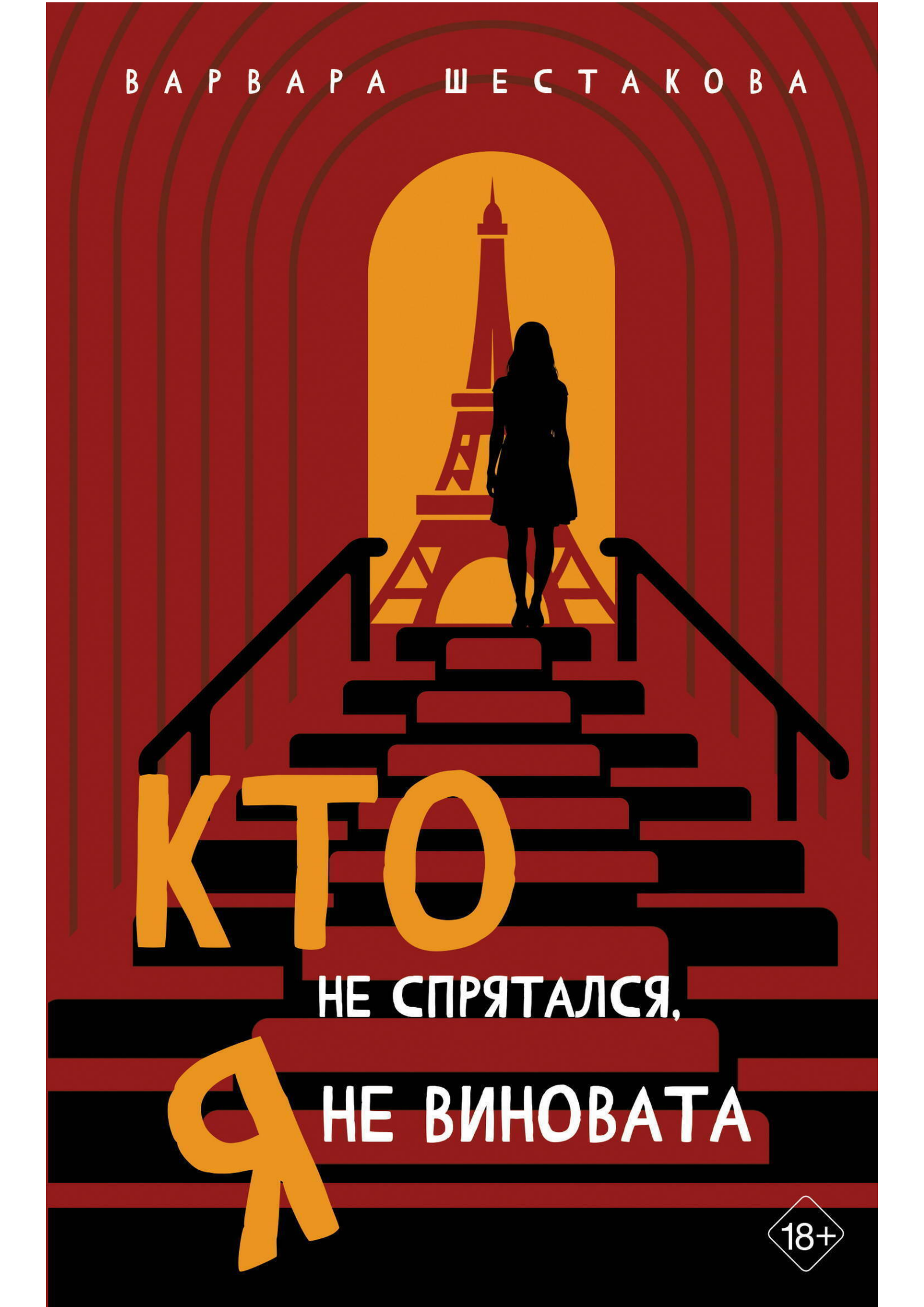

ВАРВАРА ШЕСТАКОВА

The book cover features a stylized illustration. At the top, the author's name 'ВАРВАРА ШЕСТАКОВА' is written in white capital letters. Below it, a silhouette of a woman stands on a set of stairs, looking up at a stylized Eiffel Tower. The background is a deep red with a series of concentric, arched lines that create a tunnel-like effect. The stairs are depicted with black and red steps. The title 'КТО' is written in large, bold, orange letters, partially overlapping the stairs. Below it, the words 'НЕ СПРЯТАЛСЯ,' and 'НЕ ВИНОВАТА' are written in white capital letters. The word 'Я' is written in large, bold, orange letters, partially overlapping the stairs and the word 'НЕ ВИНОВАТА'.

КТО

НЕ СПРЯТАЛСЯ,

Я

НЕ ВИНОВАТА

18+

Варвара Шестакова

Кто не спрятался, я не виновата

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шестакова В. А.

Кто не спрятался, я не виновата / В. А. Шестакова —
«Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-183256-8

Андрей и Елена эмигрируют из Петербурга в Париж, надеясь перезапустить семейный бизнес и спасти брак. Он – успешный предприниматель. Она – женщина, потерявшая себя в роли жены и матери и выбравшая новое имя – Элен. Однако переезд лишь обнажает внутренние разломы, которые невозможно скрыть. Оказавшись в чужой культуре, герои ищут опору каждый по-своему – и в самый неожиданный момент сталкиваются со встречами, меняющими их судьбы. Роман о бегстве от себя, утрате идентичности и неумолимости выбора. История о том, как попытка спрятаться от правды приводит к роковой развязке – по правилам детской игры: кто не спрятался, тот и виноват.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-183256-8

© Шестакова В. А., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Пролог	6
Сен-Жан-Кап-Ферра	7
1	7
2	8
3	10
4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Варвара Шестакова

Кто не спрятался, я не виновата

В КНИГЕ ПРИСУТСТВУЮТ УПОМИНАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (FACEBOOK, INSTAGRAM) ОТНОСЯЩИХСЯ К КОМПАНИИ МЕТА, ПРИЗНАННОЙ В РОССИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ЧЬЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ ЗАПРЕЩЕНА.

© Шестакова В., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Пролог

Ноябрьским вечером, в пятницу, около 21.30 в излюбленном творческой интеллигенцией баре на бульваре Сен-Жермен, что в самом сердце Парижа, раздался глухой выстрел. Минут за двадцать до происшествия туда гурьбой ввалилась шумная компания мужчин. Они заказали две бутылки шампанского, что тотчас были поданы в ведерках со льдом, и тяжелый графин чего-то темно-бурого, возможно виски или бурбон. Их громкий разговор поначалу казался веселым и дружеским, но вдруг перерос в спор и потасовку, на пол полетело ведро с шампанским. И вдруг выстрел.

В зале оживились. Завсегдатаи заведения и случайные гости зашумели и бросились к выходу, забыв про зонты и пальто. Официанты в панике подталкивали людей к дверям и испуганно озирались по сторонам. «Есть раненые?» «Кто-нибудь позвонил в полицию?» Паника нарастала.

Пьяные дебоширы, виновники переполоха, замерли с ужасом, разглядывая мужчину, чье тело, распростертое на бархатном диванчике перед столом, уже не подавало признаков жизни... Из виска сочился багровый ручей, и скоро все тело оказалось в ярко-красной луже.

«Ты что, совсем кретин, Бертран? Ты же убил его, черт возьми! Ты убил Мартина! Ты же говорил, что пистолет заряжен холостыми патронами!»

На выходе толпились. Молодая пара, мужчина с женщиной, что сидели в дальнем углу зала и болтали весь вечер по-русски, протиснулись к выходу почти последние. Проходя мимо злополучного стола, женщина не сдержала любопытства и бросила как бы случайный взгляд на тело, и вдруг замерла в ужасе.

«Что с тобой, Люсьен? Пойдем скорее отсюда», – сказал ее спутник и прихватил женщину за талию, чтобы помочь протолкнуться к выходу, но тут же почувствовал, как вдруг ее тело обмякло и она без сознания повалилась на его руки.

Сен-Жан-Кап-Ферра

1

– Сегодня как-то слишком душно, *mademoiselle*, – обратился он к молодой женщине, стоявшей на террасе открытого бара на берегу моря. Он обратился к ней просто так, как бы проверяя себя, сможет ли заговорить с незнакомцем, ведь все-таки надо тренировать речь, она пригодится для жизни во Франции. – У вас не будет лишней сигареты? – Он тщательно прокартавил, французское произношение давалось ему все еще с трудом.

Она стояла, облокотившись о каменную изгородь, в широких летних брюках и облегающей блузе и не спеша выдыхала тонкие струи дыма. Весь ее вид, независимый и самоуверенный, выдавал ее, показывая, что отдыхает она здесь одна.

– Последняя, – равнодушно улыбнулась она и протянула ему пачку.

– Андрей! – раздался крик в глубине зала на русском. – Андрей, я пойду укладывать детей, у Миши, кажется, температура. Я же говорила тебе, что ему нельзя столько купаться!

– Да-да, я скоро, – ответил он, кивнув уставшей женщине, держащей за руки детей, мальчика и девочку, и снова взглянул на незнакомку.

От нее исходил легкий цитрусовый запах, такой возникает, когда разрезаешь лимон на две половинки, а рядом потом кладешь разрезанный пополам мандарин, на мякоти которого уже проступили первые капли сока. Он сглотнул, докуривая сигарету. Она стояла неподвижно, вглядываясь в накатывающую белую пену и осторожно стряхивала пепел. Потом вдруг резко повернулась и кивнула:

– Люсьен.

Без улыбки, слегка опустив глаза, так что траектория движения ресниц указывала на нее саму. Это она и есть. Затушила остаток сигареты и, не дожидаясь ни его ответа, ни какой-то реакции, направилась в сторону бара и мгновенно растворилась в его глубине.

Андрей остался стоять неподвижно. «Люсьен», – повторил он, вздрогнув, посмотрел на часы – странная все же привычка носить наручные часы на отдыхе – и медленно поплелся в номер. Жена уже легла. Рядом спокойно посапывали дети.

В ту ночь он долго не мог заснуть, ворочался и дважды выходил на балкон покурить. Но даже резкий запах табака не заглушал цитрусовый запах. Он вновь возвращался в комнату, смотрел на спящую жену. Он смотрел на ее высокий лоб, очерченный еще едва заметной вертикальной линией. Ее рука, лежащая над головой на высоких мягких подушках, в первый раз показалась ему почему-то толще, чем раньше. Эта мысль была чужой и неприятной. Она нарушала стройность и устойчивость его внутреннего мира, каждая деталь которого казалась продуманной и понятной.

2

– Миша, перестань! Лиза и так вся в песке.

Солнце яростно заливало побережье Сен-Жан-Кап-Ферра. Отдыхающие с самого утра выкладывали свои тела в первых рядах партера и с интересом смотрели на колыхающееся море. Сегодня оно было почти спокойным. У его кромки визжали и посыпали друг друга песком дети, молодые парочки уплывали целоваться подальше ото всех. Старые немки, без стеснения оголив грудь, гордо расхаживали вдоль берега. Обитатели этого отеля (как, впрочем, и других таких же, что тянутся цепочкой вдоль Средиземноморского побережья) вырвались из своих золотых офисных клеток, чтобы вкусить радости праздной жизни и свободы, прежде чем их снова посадят в пышные кресла кабинетов, таящих кипы бумаг, забот и неизменно бутылку виски или еще чего – где-нибудь в нижнем ящике стола, на случай непредвиденных торжеств, или, что чаще, непредвиденных тревог.

Их день плавно растворялся в вечере, а затем в ночи, как солнце в море и сахар – в белоснежных чашках кофе. С утра они полностью отдавались солнцу, к полудню открывались местные бары и уже можно было прятаться в тени, потягивая коктейли, со скукой размышляя о мелких тяготах обеспеченной жизни. Затем следовал обед – целое гастрономическое шоу, с изысканными блюдами и музыкой. После обеда – небольшой отдых и пара часов свободного времени: мамочки уходили укладывать детей на дневной сон, стареющие толстосумы с сигарой во рту удалялись играть в покер, молодые модницы отправлялись в город в поисках новых нарядов на предстоящий вечер.

Андрей лежал под палящим солнцем и, скучая, листал газету в поисках хоть одной интересной новости.

– Oh! Côte d'Azur! Côte d'Azur! – Его жена натирала детей кремом от загара. – Мне кажется, у меня жуткий акцент, а французы не переносят, когда коверкают их язык!

– Ну что ты, – не поднимая глаз, возразил Андрей, – в Париже мы продолжим брать уроки французского, так что не волнуйся.

– Пап, пойдем купаться, – Миша схватил мокрыми руками газету, и новости потекли черной струйкой по бумаге.

– Сейчас пойдем, Миша, сейчас. – Андрей нехотя отодвинул газету и посмотрел на небо. – Солнце сегодня дикое.

– Надень кепку, иначе придется лечить тебя от солнечного удара, а у нас сегодня праздничный ужин, ты помнишь, я надеюсь? – сказала Элен.

Именно так, не Лена, а Элен просила она называть себя, как только они собрались паковать чемоданы во Францию.

– Ах да. – Андрей принялся искать кепку под полотенцем и в пляжной сумке, под сумкой, но кепки не было. Он привстал, облокотившись, и увидел в трех метрах от себя лишь багровое тело богатой старухи, безжалостно скамливающей себя солнцу уже вторую неделю, фыркнул и отвернулся.

– Видимо, я оставил ее в номере, пойду поищу. – Откинул газету, смахнул песок с футболки, песочные крупинки посыпались на бумагу, расставляя лишние точки и акценты в текущей повестке дня. – Тебе что-нибудь принести? – обратился он к Элен, а затем взглянул на детей. Миша, схватив за руку сестру, уже несли в сторону моря.

– Захвати воды, – ответила Элен и побежала догонять детей.

Действительно слишком жарко. Слишком много солнца. Андрей плелся в сторону номера лабиринтами живых изгородей и клумб. Почему владельцы отелей стремятся сделать выход морю полосой с препятствиями. Солнце палило по волосам и, казалось, забиралось глубже – в голову, оттого перед глазами маячили полупрозрачные, почти незримые круги.

Оставалось еще два поворота, Андрей ухватился за стриженный кустарник, формой напоминающий гитару или даже скорее песочные часы, и приготовился к последнему рывку. Но вдруг где-то впереди раздался смех, негромкий, но звонкий, словно песок побежал вдоль стеклянных переходов из одной части сосуда в другую. Андрей выглянул.

Впереди, в десятке шагов от него стояли две фигуры: женщина в оранжевом платье чуть выше колен и в широкой соломенной шляпе и пожилой мужчина. Они о чем-то переговаривались на французском. Слишком быстро, чтобы Андрей смог уловить смысл их беседы. Пряди ее длинных волос развевались по ветру, она то и дело отбрасывала их за плечи. Андрей стоял неподвижно, в странном оцепенении, то ли из-за безжалостного солнца, то ли из-за дурманящего цитрусового запаха, бесцеремонно заползавшего в ноздри и обволакивающего тело изнутри.

– *C'est pour ce soir. Bien entendu, c'est pour ce soir*¹, — выдыхала она, с новой силой заливалась смехом.

Старик стоял, гордо расправив плечи. Соседство с молодой и красивой женщиной украшало его сильнее, чем аккуратно уложенные пепельные усы и умышленно неряшливо заткнутый за ухо цветок, наверняка сорванный с местного дерева.

«Французы – такие павлины, сколько в них уверенности в собственном обаянии и силе», – подумал Андрей, еще сильнее съежившись.

Женщина вдруг повернула голову и бросила на него короткий взгляд и снова рассмеялась на шутку своего престарелого друга. Перед глазами Андрея заплясали прозрачные солнечные круги, на них накладывались другие – ярко-оранжевые и желтые в виде небольших соломенных шляпок. Он потер глаза, выдохнул и двинулся дальше.

Что это? Должно быть, воздух здесь все-таки отличается от петербургского. Обжигающий. Наверное, не надо было вчера столько пить. Этот дурацкий виски, он до сих пор плещется в теле, бултыхается, как волны в море. Возможно, в последние месяцы было слишком много работы, этот переезд, незавершенные дела. Элен слишком много болтает и планирует. Ей надо все и сразу. И эта идея с парижским филиалом, она так вцепилась в нее, схватила и прижала к полу, будто в десяти накрепко упакованных чемоданах, отправляющихся в путь из России, была утрамбована ее вся жизнь, летящая к своему смыслу.

«Наверное, она права, я слишком много курю», – подумал Андрей и вытащил из кармана сигарету.

¹ Сегодня вечером. Конечно, сегодня вечером (*франц.*).

3

Первые огни и свечи на задрапированных столах открытой террасы зажглись в шесть часов. Официанты, облаченные в военные мундиры, скроенные в стиле времен Великой французской революции, уже разносили шампанское, приветствуя первых гостей вечера.

– Нет, эта удавка меня сегодня добьет. – Андрей стянул с шеи бархатную бабочку и расстегнул несколько пуговиц на рубашке, освободив порозовевшую шею.

– Андрей, это же Ив Сен-Лоран! Я специально подбирала ее для тебя, именно для таких случаев. Ты должен ее надеть, посмотри вокруг – это неприлично. – Голос Элен звучал мягко, но настойчиво.

– То есть ты готова допустить мои страдания в угоду местным традициям? – усмехнулся Андрей, потирая красную борозду на шее, которую оставил галстук. – Посмотри – это же просто гильотина медленного действия.

Элен не ответила.

– Миша! Вытащи руки из карманов! – крикнула она сыну. – Французские мальчики никогда так не делают. Да, Михаэль? – Она подмигнула ему.

– Но я же не францу-у-зик! – скорчил он гримасу, тщательно артикулируя последний слог, и еще глубже запихнул руку в карман.

– Вот видишь, Андрей, ты дурно влияешь на детей!

– Оставь их в покое, – мягко возразил он и потрепал тонкие косички Лизы. – Или хочешь, давай устрой нам революцию, французы же воинственный народ.

«Как быстро она принимает правила игры, как легко навязать взгляды, манеры и законы, – думал Андрей. – Еще немного, и она вовсе забудет, откуда она. Она забудет про Питер, про Москву, про прогулки по набережным в белые ночи, про свой университет, про Машку, вместе с которой защищала диплом. Еще чуть-чуть – и она сама поверит в то, что родилась в сердце Франции, что это щебетание и есть ее родной язык, а Эйфелева башня – любимое место для прогулок в юности».

– Я говорил тебе, что мы придем слишком рано. – Андрей шурился в лучах опускающегося солнца. Оно красиво сочилось сквозь плетеные изгороди террасы. – Взгляни вокруг, столы еще пустые. Мы сидим тут уже полчаса, как самые голодные.

– Ну что ты, мне просто хотелось увидеть все с начала до конца, это же все-таки национальный праздник. Чем больше мы будем окунаться в истоки жизни французов, тем быстрее мы проникнемся ею, сможем раскрыть их душу.

– Ну, вообще-то, мы сюда не веру менять приехали и не заниматься исследованием французской души. – Андрей вновь затеребил воротник рубашки. – Перестань поэтизировать. Это работа, Лена, это всего лишь бизнес. Быть может, сегодня мы живем во Франции, а уже завтра нам придется осваивать просторы Испании, или, например, Швеции, или даже Катар. И ты с тем же рвением бросишься изучать их душу?

– Но пока мы во Франции, Андрей, – испытывающее посмотрела на него Элен. – И ты знаешь, что такое Франция для меня!

Андрей знал. Элен восторженно разглядывала входящих на открытую террасу гостей и маленькими глотками, больше для вида, потягивала шампанское. Эта была та жизнь, о которой она всегда мечтала – торжественные приемы с кучей ритуалов и важными персонами. Здесь, облаченная в вечерний наряд, со сложным плетением в волосах, окруженная мужем и детьми, она чувствовала себя такой графиней, матерью знатного семейства с полотна XIX века.

Дети, скучая, оглядывались по сторонам – еду еще не принесли, а апельсиновый сок уже успел надоесть. Миша уперся ногами в деревянное ограждение и отбивал в такт молодому

саксофонисту, ненавязчиво наигрывавшему «Марсельезу». Тот в синем пиджаке и с набриолиненным чубом ходил меж столов и с улыбкой кивал только входящим гостям вечера.

Терраса наполнялась женщинами в коктейльных платьях, с пышными укладками. Мужчины отличались более свободным стилем. Некоторые торжественно несли на себе костюмы с бабочками, другие же, напротив, не удосуживались следовать высокому стилю и появлялись в свободных летних брюках с рубашкой навыпуск. Наверное, это туристы, или, наоборот, коренные французы, уставшие от светских условностей. Детей было немного. Видимо, дети не брали Бастилию, усмехнулся про себя Андрей.

На входе появилась молодая девушка с яркой копной волос, выкрашенных в кричащий розовый цвет. Худощавое тело было прикрыто зеленым платьем, не менее вызывающего оттенка. «Наверное, актриска», подумал Андрей, глядя, как девушка, взяв с подноса официанта бокал шампанского, присела за соседний столик.

Постепенно столики заполнялись – тягучая масса светского блеска и игривой пародии на него наполняла бокал, все еще переливающийся в лучах последнего за этот день солнца. А оно таяло, таяло под «Марсельезу», выдыхаемую хрупким музыкантом, которого едва можно было представить на поле боя.

К барной стойке подошла тучная женщина в пышном платье в мелкий рисунок. Все прикинули к ткани в горошек, в цветочек, на худой конец в клеточку. Но на ней было платье в маленькую Эйфелеву башню. Черные башенки на белом фоне. Андрей заметивший, как она колеблется между шампанским и вином, едва сумел сдержать смех; ему мерещился вихрь маленьких ги де мопассанов, в ярости тянущих руки к ненавистой достопримечательности. Она в замешательстве вздымала вверх свои толстенькие пальчики. Нет, все-таки вино, и, вооружившись бокалом, она отправилась к своему месту.

Но Элен было не до смеха.

– Сразу видно, с каким упоением европейцы следуют своим традициям, – прошептала она и с улыбкой кивнула саксофонисту.

– Ну да, традиция картавить и оставлять лишние буквы в словах, – отмахнулся Андрей. – А ты, кстати, знаешь, что у французов самый кровавый гимн. Нет, ты только послушай! Ты его читала когда-нибудь, я вот решил поискать перевод: *К оружию, друзья!.. Пора крови гнилой омыть наши поля!* Вот как! Совсем не к столу. – Андрей схватил салфетку, раскрашенную в национальный триколор, и вытер губы. – Вот видишь, как надо любить отечество. – Он еще раз провел маленькой копией флага по губам, уделяя особой внимание уголкам, и смял салфетку в руке. – Ты не помнишь, туалетная бумага в нашем номере тоже была окрашена в эту трехцветную полоску?

– Прекрати этот цирк, Андрюша! – прошипела Элен, не роняя при этом улыбку. Она вечно использовала уменьшительно-ласкательную форму его имени, когда злилась. Словно приуменьшала его значение, превращая в провинившегося школьника, которого следует поставить в угол.

– Ты же знаешь, я всего лишь шучу. Тем более что цирка здесь вокруг не меньше, чем в моих словах.

– Не желаете говяжий эскалоп в креветочном соусе, мадам? – за спиной незаметно возник официант с безразмерным блюдом в руках, и его белые накрахмаленные манжеты напоминали двух чашек в бескрайнем море чревоугодия.

– Положите этому грубияну, иначе он сегодня не замолчит, – произнесла Элен по-английски и тут же добавила по-французски: – *S'il vous plaît.*

Андрей жевал кусок мяса, оно казалось ему слишком жестким, розоватая плоть была густо полита красно-коричневым соусом. А вот вино было неплохим. Французский «Совиньон», хорошо охладил, молодцы. Новозеландский, конечно, получше, невесомее, но в этом их коварство, набираешься незаметно, бокал за бокалом, веселящий дух свободы разлетается

по телу и незаметно уносит его за собой. Так было за несколько дней до переезда в Париж. Прощальная встреча с бывшими компаньонами, теплый вечер и две корзины «Совиньона». Его тело, едва способное удерживать вертикальное состояние, доставили до порога дома, Элен, конечно, кричала, но не слишком громко – боялась разбудить детей.

– Посмотри, – Элен указала на седовласого старика с бокалом руке, – это же глава кинокомпании Pathé Frères.

Андрей оглянулся и увидел мужчину, которого уже видел сегодня по дороге в номер. Старик был одет в бежевый костюм, напомаженные седые волосы блестели в свете мерцающих огней. Весь этот торжественный наряд делал его старше, чем утром на улице, когда он стоял с идиотским цветком в волосах.

– Откуда ты его знаешь?

– Я читала его интервью в «Le Figaro». Просидела со словарем три вечера! Еще про него была заметка в журнале в самолете. Он известный человек. Андрей, боже мой, мы обязательно должны познакомиться с ним, это очень влиятельный человек! – Элен возбужденно схватила край скатерти и сжала его.

– Не сегодня.

Дай ей волю, она бы перезнакомилась тут со всеми. Что за дурацкая привычка тащить домой всех кого не попадя. Андрей прикрыл глаза – их просторная гостиная наполнилась толпами премьер-министров, продюсеров, кинозвезд, деятелей культуры и искусств, и прочих-прочих-прочих. Они сидели на пышных диванах, заняли все кресла, стулья, его любимый пуф; они окружили журнальный столик возле камина, топились возле подоконников и у входа, и ему некуда было протиснуться, некуда сесть, разве что незаметно исчезнуть из комнаты.

Не выходи из комнаты, не совершай ошибки.

В голове промчались строчки русского поэта Иосифа Бродского, кажется, его очень любила его мать. Но он все равно бы вышел.

– Дорогие друзья! Мы рады приветствовать вас на нашем празднике! – объявила в микрофон высокая женщина в пышном полосатом платье. – Вы знаете, что сегодня значимая дата в нашей истории. Именно этот день предопределил всю жизнь республики и французов.

Официанты безостановочно подходили с новым подносом яств. Их сложные названия сплетались в единый кроссворд. Жаль, Элен не взяла блокнот, куда могла бы занести все священные имена.

– Консоме с овощами для вас?

– Лосось с кресс-салатом?

– Карбонад по-фламандски?

– Антрекот по-бретонски?

– Рулеты из говядины, фаршированные свиной?

– Фрикасе с белым вином?

Андрей смотрел на разноцветную гору закусок и горячего на своей тарелке. Рука медленно тянулась к бокалу. Платье продолжало толкать речь со сцены. Жена восторженно щебетала, но он уже не слышал, что именно. Лицо саксофониста слилось с лицом розовласой девицы, толстыми щеками женщины-башни и блестящими волосами богатого старика в костюме. Они взялись за руки и водили хороводы в его уставшей голове. Он расслабился и почти не сопротивлялся. Переезд дался ему нелегко, и теперь, во время отпуска, хотелось хоть на время забыть все. Про споры с женой, глупый финансовый просчет, про сборы вещей, занявшие последние два месяца. Если бы она еще молчала. Молчала хотя бы иногда.

От огней и алкогольного дурмана у него кружилась голова. Казалось, жареная говядина начала осторожно пощипывать свежую рукколу на его тарелке.

– Еще белого вина, – обратился он к официанту. Тот кивнул и скрылся в баре.

– Ты опять слишком много пьешь, – слова пронеслись глухим эхом, Элен снова начала свою песню.

«Я слишком много пью, чтобы не слышать тебя», – хотел ответить Андрей, но снова промолчал.

«Vive Francia! Vive la liberté!» – раздалось на сцене, и зал воинственно подхватил.

Полузакрытые глаза пропускали яркое мелькание вокруг, но стоило лишь закрыть их полностью – и весь мир исчезал. Исчезала суэта, реальность словно подменяли, а если сомкнуть ресницы чуть сильнее – можно было даже перестать слышать звуки. Да здравствует свобода! Мир существует, пока мы его видим. Андрей давно понял это и уже давно использовал этот прием. Стоило лишь Элен взять на октаву выше – и он был уже не здесь. Когда-то она была прелестной молодой девушкой, мило щебечущей в университетском дворике, где он ее и заприметил. Но с годами сила ее голоса росла, и он все чаще пребывал с закрытыми глазами, даже когда его веки не были сомкнуты.

Он сидел, облокотившись на стул, и замуривал глаза. Вечерний воздух наполнялся тысячами ароматов. Запахи блюд в руках официантов перемешивались с ароматами женщин. Их тут было множество, и у каждой свой аромат, еще сильнее распускавшийся с наступлением темноты. Они ходили туда-сюда: от сцены к столику, к барной стойке, заказывали коктейли, танцевали. Оголенные плечи и покрасневшие от жары и алкоголя лица.

– Интересно, сколько мы уже сидим тут?

Атласные складки длинных юбок переливались в свете фонарей. Он закрывал глаза и вновь открывал их, их телодвижения складывались в разноцветный калейдоскоп, скорость движения частиц в котором и их форма зависели только от того, насколько быстро он хлопает глазами.

Андрей сидел, словно умалишенный, как ребенок, обнаруживший новую забаву, то ускоряясь, то сбивая темп, преумножая изображение и растягивая его. Внезапно погас свет, и голоса замолкли. Чья-то невидимая рука выдернула шнур из розетки, перерезала тонкий провод. По его телу пробежала дрожь. Он распахнул глаза резко.

Движения замерли, частицы хаоса испарились, в трех метрах от него в толпе зала промелькнула фигура. Лица было не видно. Но это была та фигура. Несомненно та. Сверкнуло плечо, по которому струились длинные волосы, она небрежно перебросила их за спину, обернулась и исчезла.

Колени разомкнулись, Андрей рефлекторно вскочил из-за стола, но, поймав недоумевающий взгляд Элен, приземлился обратно. Он схватил со стола недопитый бокал с вином и судорожно проглотил его. В висках отбивала барабанная дрожь.

– Здесь очень душно, пойду подышу, – пробормотал он и выскочил из-за стола.

Он пробирался меж танцующих тел, извивающихся, как языки пламени на костре языческого ритуала, к выходу с террасы, оглядываясь по сторонам.

Наверное, показалось.

Шаткие деревянные ступеньки террасы вели к морю. Он шел, глубоко вдыхая соленый воздух и широко открывая рот, чтобы заглотить его как можно больше. Ему хотелось заглотить море целиком, чтобы хоть немного прийти в себя. Вода упорно кидалась ему в ноги. Он сел на влажный песок и снял туфли, затем носки. И какой идиот придумал носить носки при таком климате? К вечеру и без того не слишком теплая вода успела еще немного остыть и приятно охлаждала ноги.

В кармане оставалась еще пара сигарет. Андрей лег на песок и закурил. Издали доносились голоса и музыка, но теперь они были далеко. А здесь – только шум накатывающих волн и пара едва заметных звезд. Море ласково касалось его ног. Андрей задремал.

Его разбудил легкий шорох позади. Кто-то шел по песку. Он приподнялся на локте и увидел развевающийся подол синего платья. Ветер теребил ткань, которая почти сливалась

с морем, как будто море поднялось одной-единственной волной и вышло из берегов. Одной рукой придерживая подол платья, а другой – босоножки, приближалась девушка с длинными волосами. Люсьен.

«Мне кажется. Наверное, кажется». Он затряс головой, пытаясь сбросить мираж, картинку, что предстала перед ним. Люсьен, не сказав ни слова, села рядом на песок и вытащила из маленького кармашка над правой грудью сигарету. Андрей напряженно молчал, ему казалось, что холодная волна вот-вот смоет это странное видение. Она сидела, согнув колени, ткань платья приподнялась чуть выше щиколотки, ступни уже были отданы морю.

Видение не исчезало, она не растворялась в соленом воздухе.

Он сидел рядом, вдыхал ее цитрусовый запах и не мог пошевелиться, тело парализовала необъяснимая сила.

– Ты тоже не любишь маскарад? – вдруг спросила она медленно по-французски.

– Нет. – Он провел рукой по лицу в надежде хоть немного вытряхнуть дурман из головы и посмотрел на нее. – То есть я хотел сказать, что я просто очень устал. – Французский, столько лет мучивший его сначала в школе, а затем в университете, постепенно всплывал в памяти.

– Я видела тебя сегодня утром, ты выглядел странно.

Андрей промолчал.

«Красивые ступни. Очень белые для такого солнца. Интересно, как она сюда попала. Она шла за мной или ей тоже захотелось свежего воздуха?»

– Я тоже устала от этого. – Люсьен затянулась сигаретой и серьезно, без тени улыбки и кокетства посмотрела на Андрея.

Как странно, подумал он, ведь она идеально вписывается в интерьеры местного бомонда. Люсьен словно поймала его мысль и добавила:

– Устала, наверное, потому что варюсь в этом супе уже слишком давно.

– Ты, наверное, актриса? – спросил Андрей, хотя где-то внутри чувствовал, что актрисой она быть не может. Было что-то устойчивое и самодостаточное в ее взгляде и движениях, в отсутствии всякой фальши и игры.

– Нет, что ты. Я... – она замялась, – журналист, кинокритик, культурный обозреватель, или как еще можно назвать эту фигию.

Люсьен затушила сигарету и, встав, зачерпнула ладонью соленую воду.

– Сегодня за ужином терраса была наполнена одиозными фигурами просто до отвалу. Сложно представить себе такую концентрацию влиятельных лиц из мира культуры и бизнеса. Ты, наверное, заметил это?

– Я не очень разбираюсь в этом, тем более я не слишком давно во Франции.

– Да? Как же тебя принесло сюда? – Люсьен встала и приблизилась к морю, придерживая подол платья.

Андрей не слишком любил рассказывать о своих делах, возможно потому что он с некоторых пор начал утрачивать интерес к ним. Они висели над ним как необходимость. Но тут он неожиданно для самого себя затараторил про ювелирную фабрику, про парижский филиал, про то, что в Ницце он лишь на кратком отдыхе перед серьезными делами в Париже. Андрей все бормотал и все думал, какой же он болван, что несет эту чушь перед красивой незнакомой француженкой. Внезапно напавшая разговорчивость была для него спасительным оружием, заслонкой – странный, почти животный страх перед этой незнакомой женщиной сковывал его, страх от того, что она была так близко и он вдыхает ее вместе с морской солью, растворенной в воздухе.

Неожиданно резко Люсьен оборвала его:

– Знаешь, мне в детстве очень нравилось купаться голышом, – и вошла в воду, волна ударила ее по коленям, и она отпустила платье, ткань легла на воду и словно растворилась в ней.

Андрей в недоумении замолчал. А она шла все дальше, пока вода не достала ей до пояса.

– Прости, – обернулась она.

Андрей ошарашенно смотрел на ее мокрый наряд.

– Я взяла несколько десятков интервью, улыбаясь и поддакивая, пытаюсь вытянуть как можно больше слов, создать как можно более благоприятную обстановку, чтобы разговорить каждого героя. А они отворачивались, капризно отнекивались, напрашивались на льстивые комплементы. И мне так часто хотелось сказать им: заткнись, я ведь знаю, что ты мне сейчас скажешь, и мне это совершенно не интересно, и это никому не интересно. Но я продолжала улыбаться, изображать заинтересованность и обливать его любезностью. Прости, я прервала тебя. – Она ударила ладонями по воде, миллионы капель взметнулись в воздух, а затем посыпались на ее голые плечи, волосы и лицо. Она ударила еще раз.

– Этот мир, тот, – Люсьен указала рукой на террасу, – это ведь тоже мир бизнеса, ты поймешь. Только они продают и покупают искусство и культуру. Но единственное искусство, которым они владеют в совершенстве – это перебрасывание денег с одного счета на другой. Обрюзгшие лица, тонущие в сладком самообожании. В накрахмаленных рубашках со сводом непоколебимых правил. Кто из них мог бы сейчас вот так? – Люсьен подпрыгнула и нырнула под воду.

Несколько секунд Андрей стоял в оцепенении, когда она вынырнула и поплыла дальше в морскую темноту. Он стал звать ее. Она лишь обернулась и махнула ему рукой.

«Вот безумная, – подумал он и принялся расстегивать рубашку. – Еще не хватало, чтобы она тут утонула».

Когда она выходила из воды, мокрое платье прилипало к ногам. Андрею хватило света, тянувшегося с террасы, чтобы увидеть очертания груди, проглядывающие через ткань. Он кинулся ей навстречу. Тело пульсировало после остывшей воды, на коже выступили мурашки. Он схватил ее за руку, случайно чуть сильнее сжал ее. Ей случайно чуть-чуть не хватило сил, чтобы отстранить его. Когда она подняла голову, чтобы взглянуть ему в лицо, он чуть опустил голову и попал точно в цель, в которую умышленно не целился, но которая сама невольно целила его на себя. Пара секунд. На его губах осталось несколько соленых капель.

– И что ты здесь забыл? – сказала Люсьен, кивнув головой в сторону праздничных огней, и резко отстранилась. – Не стоит воспринимать ничего здесь всерьез.

Люсьен подалась к нему, едва коснулась губами чуть колючей щеки, затем столь же порывисто выдернула руку и побежала в сторону отеля, мокрое платье волочилося по песку, оставляя едва заметный след.

4

На следующий день он не мог ее найти. И через день тоже. И еще через день. Испуганные бессонные глаза бегали по ресторану за завтраком. Голова то и дело поворачивалась назад и вперед, словно маятник. Он разглядывал оголенные ноги, плечи, вереницу загорелых тел, красивых и не очень, и очень красивых. Но ее не было. Он никогда не чувствовал себя таким маленьким-маленьким мальчиком, который потерялся на многолюдной площади. Короткие юбки фейерверком проносились мимо с чашками и тарелками, он осторожно оборачивался и заглядывал в лица, пока жена, занимавшаяся сначала лишь детьми, не спросила:

– В чем дело, Андрей? Ты кого-то ищешь?

Она уже нагроутила их стол, выходящий наполовину на балкон, с прекрасным видом на море, немыслимым разнообразием блюд, тарелок, чашек и стаканов, заполненных фруктами, легкими закусками, соком и кофе. В центре этого красовалась груда круассанов. Желая стать королевой, она все еще оставалась мещанкой.

– Андрей, – переспросила она в ответ на его молчание.

Ее несколько смутил его потерянный вид, но она списала это на усталость и перемену климата.

Он не ответил, горячий кофе обжег губу и, казалось, вернул в реальность. Он тупо уставился на изобилие их стола, не зная, за что ухватиться.

– Когда ты успела все это притащить сюда? И главное, зачем столько?

– Пока ты крутил головой по сторонам. Послушай, Андрюша, – она начинала злиться, – мне надоело, что ты постоянно пытаешься ограничить меня, запихнуть в какие-то свои рамки. – Она осеклась. – В конце концов, мы заплатили за этот отель, и очень немало, поэтому я имею полное право брать все, что здесь предложено. Так что тебе положить? – продолжала она, намазывая джем на порезанный надвое круассан.

Драпированная скатерть гуляла туда-сюда, утро выдалось непривычно ветреным.

Он посмотрел на круассан, который она держала кончиками пальцев, боясь, что толстый слой желтого джема может лавиной сползти с теста и потечь сначала по руке, а потом быть может и ниже, на белую, отглаженную ради завтрака, юбку. Он посмотрел и решил, что должен непременно спасти ее от такого конфуза. Он попытался изощриться и перехватить его, но кончики пальцев неловко разжались и булка мгновенно плюхнулась прямо на белую юбку.

– Черт возьми, Андрей! – Элен вскочила, словно ее ужалила оса. – Ну что ты наделал?

– Прости Лена, прости, пожалуйста.

Андрей схватил со стола салфетку, но Элен отстранилась и принялась самостоятельно растирать пятно, отчего оно сделалось бледнее, но размазалось еще больше. Она несколько раз бросила на него недовольный взгляд. Почему он такой неловкий, такой нерасторопный, почему у него всегда все падает из рук? Его образ, что держала она в своей голове, никак не хотел вписываться в стройный контур жителя Франции, француза, проще говоря. Он постоянно выходил за его рамки. Как и пятно на ее юбке, что стало только больше.

Вечером он незаметно вышел из отеля и побрел в неизвестном направлении. В руке тлела сигарета, он посмотрел на дымящийся кончик, со злостью бросил его на тротуар и затушил ногой, затем воровато оглянулся – не видел ли кто его проступок – нагнулся и поднял. Урны поблизости не оказалось. «Наверное, у богатых нет мусора», – подумалось ему. Или же за ними всегда следует слуга с пепельницей. Он шел не сворачивая, держа в руке окурок, пока не очутился возле небольшого порта. Частные яхты – огромные, большие и поменьше были выстроены в ряд, словно девушки на конкурсе красоты. Андрей вырос в обеспеченной семье, без излишеств, но и получая тем не менее все, чтобы благополучно встать на ноги и не поскользнуться. Поэтому предметы роскоши не вызывали в нем никаких чувств, никакого трепета. Он

оперся о парапет. Камни еще хранили воспоминания о дневном солнце. Разжал ладонь – на ней согнутый пополам, словно человек, скрючившийся от боли, лежал окуроч, уже остывший. Он посмотрел на него – и ему показалось, что это он, это его жизнь. Андрей бросил его в воду пошел дальше.

Он обогнул порт и двинулся вдоль моря. Его ноги в кожаных мокасынах на слишком тонкой подошве шли словно сами по себе. Он ощущал твердость камня, но, несмотря на усталость, как бы не смел остановиться. Наконец, когда мощеная набережная сменилась каменной тропинкой, по бокам которой росли невысокие кустарники и деревья наподобие сосен, он остановился и обернулся назад. Город остался где-то снизу, вдали. Андрей словно вышел из транса и, удивившись, как ему удалось так далеко забрести, посмотрел на море. Отсюда, с высоты, оно казалось еще ярче, ограниченное набережной, отсвечивало ультрамариновой жидкостью в фарфоровой чашке бухты. Тропинка, извиваясь, уходила вперед, он шел бездумно и бесцельно, и каждый шаг, что отделял его от города, дарил все большее ощущение свободы.

Наконец он остановился, заметив, что тропа раздваивается: маленькая, едва прочерченная человеческой ногой полоса сворачивала налево, спускаясь вниз, к морю. Он уверенно повернул. Путь шел через сосновые заросли, деревья тянулись прямо из скал, и вся природа казалась совершенно дикой и безлюдной, и лишь тоненькая полоса тропинки указывала на то, что человеческая нога здесь все же ступала.

Еще полкилометра – и перед ним открылась безлюдная скалистая бухта. Совсем небольшая, отлично запрятанная. «Это то что нужно», – кивнул он и направился к крохотному пляжу. Кроссовки приятно утопали в желтом песке. Он отошел правее, в ту сторону, где еще оставалось солнце, и сел на каменный выступ возле воды.

Соленый морской воздух щекотал ноздри, вода спокойно переливалась в солнечном свете. Он скользил взглядом по кромке моря, по камням, причудливо торчащим из воды, по песчаным разводам на берегу. Как хорошо было просто сидеть в тишине, вдыхая сосновый воздух в полном одиночестве. Не это ли свобода?

Он уже чуть было не стянул с себя футболку и шорты, чтобы охладиться после прогулки. Освободив одну руку и уже принявшись за другую, на дальней стороне пляжа, что уже была в тени, он вдруг заметил яркое пятно – на камнях была небрежно разложена чья-то одежда. Он вскочил, натягивая обратно рукав, словно попал на чью-то чужую, закрытую территорию, и принялся оглядываться. На пляже никого не было. Тогда он стал всматриваться в морскую даль, солнце все еще слепило, он прикрывал лоб руками. Где-то вдалеке то всплывала, то пропадала темная точка. Чья-то голова. Андрей снова сел, потом подпрыгнул и забежал за высокий каменный выступ. Затем, словно опомнившись, он удивился своему внезапному страху и уже хотел было вернуться на прежнее место, но что-то удерживало его. Неожиданно обнаруженная обитаемость пляжа сбивала его дыхание, он принялся шарить рукой по карманам, но сигарет не осталось, только зажигалка. По лбу прокатилась капля пота. Надо было войти в море, чтобы остудить раскаленное тело, смочить водой прикипевшие к голове волосы. Но как сделать это, оставшись незамеченным?

Тем временем точка приближалась к берегу. Каких-то пару минут – и она превратилась в перевернутый восклицательный знак – из воды вышла фигура – абсолютно голая девушка. Ее длинные мокрые волосы прилипли к спине. Она неторопливо подошла к своим вещам и завернулась в полотенце.

Густой соленый воздух вновь обволакивал ноздри, он пытался вдохнуть его, но не мог, как будто уже до краев был полон этим воздухом. И песком. И морем. И дивным цитрусовым ароматом. И ему вдруг захотелось разом выплеснуть это наружу – звонким апчхи, но он боялся, что неосторожный звук выдаст его и *она* растворится.

У девушки были русые волосы, она отжала из них воду, сбросила полотенце и так, голая, подошла к кромке воды, куда еще попадало вечернее солнце. Наверное, после купания ей хоте-

лось согреться, она подставила лицо лучам и стояла так неподвижно несколько минут. Затем она вернулась к своим вещам и набросила прямо на голое тело длинную белую рубашку.

Андрей то высовывался из своего укрытия, то снова прижимался к скале. В висках коло-тило. Он видел, как она села на песок и принялась искать что-то в сумке. И все сильнее он убеждался, что в последовательности событий последних дней есть какая-то логика, какая-то необъяснимая закономерность. Иначе как понять, почему уже третий раз подряд они пересе-каются, словно ведомые твердой рукой кукловода. И каждый раз, когда он уходит ото всех, чтобы побыть с самим собой, наедине, появляются ее цитрусовый шлейф и длинные волосы. Он прокручивал эти дни, выстраивая их в логическую цепочку: балкон отеля – путь от пляжа до номера – пляж при отеле, когда он сбежал с вечеринки в честь Дня независимости. И вот снова.

Люсьен вытащила из сумки пачку сигарет. Она попыталась закурить, но у нее не вышло – она несколько раз чиркнула зажигалкой. «Как она красива», подумал он. Даже сигарета – он не любил курящих женщин – выглядела изящно в ее аккуратно очерченных губах. Последняя попытка добыть огонь – она в третий раз прокрутила колесико, но огня не последовало. И она замахнулась и с силой бросила зажигалку в море, сигарета соскочила с губы и упала в песок. Андрей стоял, прижавшись всем телом к камню, как школьник, впервые увидевший обнаженную женщину. В левом кармане брюк зажигалка неприятно впилась в кожу. Но он не мог пошевелиться.

Затем произошла сцена настолько театральная, что он вновь засомневался, уж не актриса ли она. Люсьен вскочила, закинув руки кверху, и тут же рухнула на колени. Он уже был почти уверен, что она отрабатывает какую-то сцену, но тут ее плечи забились мелкой дрожью и он услышал ее негромкие всхлипывания.

Все это произошло в одно мгновение, струна натянулась до предела и лопнула. Андрей вышел из своего укрытия и босиком – кроссовки остались на камнях – побрел к ней.

Услышав шуршание песка, Люсьен подняла голову, ее лицо в этот миг выражало смесь ужаса, переходящего в удивление. Как будто она узнала его, но не сразу.

Он молча протянул ей зажигалку, она усмехнулась, махнув рукой:

– Не надо. – А потом добавила: – Наверное, сейчас самое время завязать с этим балов-ством.

Да, мне тоже давно пора, подумал Андрей и бережно убрал зажигалку обратно в карман.

– Люсьен? – спросил он. – У вас все хорошо?

– Как вы здесь оказались? – молвила она, не поднимая головы. – Обычно это место неиз-вестно туристам.

– Люсьен? С вами все в порядке? – повторил он вопрос.

Она только молча трясла головой.

– Люсьен?

– Вы что, следили за мной?

– Нет, что вы? Люсьен, с вами все в порядке? – Он снова повторил свой вопрос с тем же набором слов и интонацией, словно обучающая кассета на французском языке. Он буквально забыл все другие слова и фразы, упорно отрабатываемые в юности: – *Est-ce que tout est bien? Est-ce que tout est bien?*²

– Нет, нет, нет, черт возьми, нет! – закричала она и закрыла лицо руками, тело вновь без-звучно задрожало. Андрей схватил ее за плечи, ее мокрое лицо вдруг уткнулось ему в рубашку. В этот момент она была такой маленькой и такой беззащитной, прежняя самоуверенность и лоск, как сброшенные доспехи, исчезли.

² Всё хорошо? Всё хорошо? (фр.).

Он прижал ее к себе и тут же испугался своей смелости. Прижал практически незнакомую молодую женщину. Что, если она отпихнет его, отодвинет, убежит? Убежит, и все. Но она сидела молча, упершись носом в его рубашку, пять минут – десять – пятнадцать. Наконец вздрагивания и редкие всхлипывания понемногу прекратились. И на рубашке растекалось едва заметное соленое пятно.

Он никогда раньше не чувствовал себя таким крохотным и уязвимым и одновременно таким сильным, как будто к груди его в эту минуту прижалось и искало утешение все человечество. Даже когда у него родился первый ребенок и он в ночи отправился в больницу к Элен, чтобы первый раз в жизни взять в руки маленький нежный, завернутый во фланель кулек, он не испытывал чувства, будто держит новый мир, необъятный, но хрупкий.

Всего несколько минут. Затем Люсьен подняла голову и посмотрела на него.

Андрей молчал. Он боялся, что скажет что-нибудь не то, что-то невпопад. Он совершенно не знал, что нужно говорить в таких ситуациях. Такую сцену можно было представить в книге или дурацком кино. Да, он читал книги, пересмотрел кучу фильмов. И все происходящее было абсолютно кинематографично. Но было страшно, что его реплику вырежут в итоговой версии как неуместную или неестественную. Да и как это могло быть естественным? Он, отец двоих детей, верный муж, лежит на заброшенном пляже с едва знакомой девушкой, на которой надета лишь рубашка, а по телу расползались мурашки.

– Я уезжаю. Завтра, – тихо проговорила она неожиданно по-русски. Почти без единой ноты акцента, без малейшей интонационной неувязки выдохнула эти три слова в грудь. По-русски ее речь звучала так же гармонично, так же естественно, как и французское щебетание.

Я уезжаю завтра.

Но он не сразу заметил подмены языка

Андрей заметил только «уезжаю» и еще более пугающее «завтра».

– Куда? – вырвалось у него автоматически тоже по-русски.

Как будто по экрану поползли титры и слово КОНЕЦ, прервав фильм на самом интересном месте.

– Домой, – ответила она, чуть отодвинувшись. – В Париж.

В Париж... Он облегченно выдохнул и прижал ее мокрую голову к себе крепче. В Париж! Еще вчера он не представлял свою жизнь в Париже, в этом сером, не самом чистом городе, абсолютно чужом и холодном. Это Элен неслась туда как на крыльях, это она была полна энтузиазма начать новую столичную жизнь, причем жизнь не экспатов, а коренных жителей. Для него это было не больше, чем рискованный поворот в бизнесе, придуманный старшим братом, поддержанный Элен и осуществляемый теперь им. За год они нашли фабрику, перевезли необходимое оборудование и теперь наконец договорились с торговыми сетями. Осталось только запустить первый магазин. Французский шик с якутскими самоцветами. В роли совладельца и регионального управляющего компанией он чувствовал себя несколько неловко, словно в ботинках неподходящего размера. Они были слегка велики, немного болтались на ноге. Стоит только ускорить шаг, и они вовсе слетят. Но зато и не трут, оправдывал себя он.

– У тебя красивые глаза, – медленно протянула она вновь по-русски. – Очень добрые и очень спокойные. Как у моего дяди, маминого брата, в молодости. Я его очень любила. Мне кажется, он меня тоже. Он катал меня на спине, крутил вниз головой, держа за ноги... Да, кстати, – вдруг улыбнулась и потянулась к своим вещам, – у меня есть бутылочка вина. Новозеландский «Совиньон». С трудом нашла его в местных магазинах. Наверное, оно уже нагрелось, но это не важно.

Она достала из сетчатой пляжной сумки бутылку, не спеша открутила крышку и протянула ему.

– Право первого глотка исследователю диких пляжей и моему преследователю. Или же... – она запнулась и засмеялась, – или же последователю! Я правильно говорю? Боже! Как

же я люблю русский язык и как давно я им не пользовалась! Исправь меня, если я говорю неправильно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.